

СОВРЕМЕННОСТЬ—ДУША ЛИТЕРАТУРЫ

Знаменательные события в жизни нашего народа, замечательные подвиги советских людей вдохновляют нас, литераторов, на упорный творческий труд, на создание новых идейно и художественно зрелых произведений. Если взять только творчество украинских писателей и поэтов за последние два—три года, то мы можем назвать немало книг, получивших благоприятную оценку читателей. Особенных успехов достигли украинские прозаики. Романы и повести А. Головки, П. Панча, М. Стельмаха, О. Гончара, Ю. Смолича, П. Козлянока, И. Ле, И. Вильде, В. Собка, Н. Рыбака, Ю. Збанацкого и многих других пользуются у читателей несомненным успехом.

Если окинуть взором все большое хозяйство современной украинской прозы, то приходится высказать следующий парадокс: современная проза еще мало и робко подымает животрепещущие темы современности. Самые крупные произведения наиболее известных и опытных мастеров посвящены изображению прошлого.

Далекое и близкое историческое прошлое нашего народа привлекало и продолжает привлекать внимание советских писателей, лучшие произведения на исторические темы пользуются большой любовью читателей. Но главное наше внимание должно быть обращено в творчестве к темам современности. Глубоко прав Н. С. Хрущев, который и в выступлении «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», и в речи на приеме в Кремле в честь советской народной интеллигенции снова посоветовал нам, писателям и деятелям искусств: «Настойчивее обращайтесь к современности!».

Среди литераторов и работников искусства по сей день еще бытует так называемая «теория ретроспекции». Приверженцы этой «теории» утверждают, что для отображения в литературе, искусстве того или иного факта, события, этапа необходимо отдалиться от него на определенное расстояние во времени. Верно ли это? Достаточно сослаться на великий опыт корифеев русской, украинской, да и любой другой литературы, чтобы увидеть всю абсурдность подобных умозаключений.

Современность — душа литературы. Без ее идей, атмосферы, дыхания не может существовать настоящая литература, не мо-

Заметки писателя

жет обогащаться духовная сокровищница народа. Именно мы — свидетели и участники величайшей эпохи в истории человечества — обязаны правдиво и взволнованно рассказывать современникам и потомкам о незабываемом, неповторимом.

Наша многонациональная литература создала выдающиеся произведения о современности. Это книги не только талантливые, но и новаторские, открывающие новые пути. Но таких книг все еще мало. Почему?

Мне кажется, что мы часто забываем о чрезвычайно сложной специфике писательского труда. «Писать нужно, — говорил Л. Толстой, — только тогда, когда не можешь не писать». Следовательно, писатель должен взрастить в уме и сердце, продумать и прочувствовать до мельчайших деталей, а главное — то, о чем он пишет, должно его кровно интересоваться, беспокоить, не давать ему спокойно жить. Только тогда рождаются подлинная лирика, правдивый роман, волнующая пьеса. При этом важно, разумеется, чтобы произведение представляло собой результат своеобразного, индивидуального видения мира данным автором.

Но чтобы так видеть мир, надо его хорошо знать. Знать, чем живет наш великий народ-герой, строитель новой жизни, знать его духовные запросы, понимать его роль и место в современной действительности, в истории будущих поколений.

Отображение жизни — это не простой, механический процесс. Глаз писателя — не объектив фотоаппарата. Знание жизни у писателя должно быть глубокое, всестороннее, дающее материал для философских размышлений и глубоких обобщений.

В беседе с Л. Толстым, когда возник спор о Шекспире, И. Тургенев сказал: «Истинно-драматические положения возникают не тогда, когда добродетельные люди борются со злыми, как в мелодраме, или когда люди страдают от внешних бедствий, например, от моровой язвы или от землетрясения. Драмматические положения возникают тогда, когда страдание неизбежно вытекает из характеров людей и их стра-

стей. В драмах Шекспира мы находим именно такие положения». Это умное и верное определение касается не только драматических произведений, но и всего литературного творчества.

Мы уже как будто окончательно перешагнули через тот этап, когда в романах, пьесах, кинофильмах действие двигали вперед, если не моровая язва и землетрясение, то, например, гроза, угрожающая колхозной пшенице, или же появление долгоносика на свекловичных полях. В таких произведениях характеры не развивались самобытно и органически. Осуждена и «теория» бесконфликтности, и иллюстративность, но ошибочные представления, тормозящие развитие литературы, еще остались.

Немалый вред принесло схоластическое понимание проблемы положительного героя нашей эпохи. Создание положительного образа является важной и почетной задачей всех жанров советской литературы. Это бесспорная истина. Но механическое понимание проблемы положительного и отрицательного героя привело к искусственной концентрации добродетелей и изъянов человеческих душ на двух противоположных полюсах. Между условным знаком человека-плюса (новатор, изобретатель) и условным знаком человека-минуса (карьерист, бюрократ, подхалим) оставалась бездна человеческих характеров, судеб, биографий, страстей, наклонностей, которые никак не вмещались в эту схему. В какое прокрустово ложе привычных схем и понятий о черном и белом можно втиснуть, например, героев М. Шолохова — Григория Мелехова, Аксинью, Лавыдова, Нагульнова и Лушкю? А как волнуют, как запоминаются эти герои!

Созданные по схеме положительные и отрицательные персонажи — это результат домысла, а не результат пытливого изучения жизни. Такие персонажи очень часто лишены подлинных черт современности и напоминают тех абстрактных «добродетельных» и «злых» людей, о которых говорил Тургенев. Ведь хорошие и плохие люди жили на нашей планете всегда. Их образы не раз вводились в литературу. Классических примеров можно вспомнить много. Но все они: хорошие, плохие, средние — Отелло, Яго, Онегин, Печорин, Анна Каренина, Вронский, герои пьес Остров-

ского и т. д. и т. п. — были людьми своей среды, своей эпохи. И не были они вообще дворянами, вообще купцами или вообще бесприданницами, а были яркими, типичными, глубоко индивидуальными характерами. Создание таких характеров, а не скучных схем требует от нас метод социалистического реализма.

Читателям, зрителям нужны и в книгах, и на сцене не герои вообще, не рабочие, напоминающие дореволюционных мастеровых, не колхозники, весьма смахивающие на тех крестьян, которые орудовали сохой, а не интеллигентные, изображаемые по традиционному штампу вечно рассеянных, не от мира сего людей, а полнокровные человеческие характеры с присущими им чертами современности, герои высокого интеллекта, отмеченные широтой духовных интересов.

Жизнь дает нам богатейший материал для создания ярких, эпических образов, для правдивого реалистического воспроизведения действительности, высоких романтических взлетов. Разве не достойны новой «Одиссеи» или нового «Тихого Дона» как ратные подвиги советских людей в годы Великой Отечественной войны, так и трудовая доблесть мужественных покорителей целины, строителей комсомольских шахт в Донбассе, создателей новых городов и промышленных районов, новых гидроэлектростанций, творцов искусственных спутников Земли!

Гигантские сдвиги в промышленности и сельском хозяйстве страны, огромные достижения советской науки и техники, небывалый расцвет национальных республик, смелые мероприятия Коммунистической партии по улучшению управления народным хозяйством — создание совнархозов экономических районов, постановление Пленума ЦК КПСС о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций, укрепление государства и международного авторитета нашей Родины — все это такие значительные явления социалистической действительности, которые ждут своего художественного воплощения в произведениях литературы и искусства. Запечатлевая действительность в ее революционном развитии, писатель, если он вздумчивый сын своего века, должен еще уметь взглянуть вперед, в будущее.

Отклонения от метода социалистического реализма лишают произведения той чарующей красоты и жизненной правды, которая

покоряет читателя своей свежестью, самыми неожиданными образами и метафорами. Она убеждает, не пытаясь быть микроскопически достоверной, не стараясь служить мелкой бытовой «правдешке». Эта традиция пришла к нам от великой литературы прошлого. Мы любили смелую гиперболу Гоголя, утверждающего, что «редкая птица долетит до середины Днепра», с удовольствием читаем басню Крылова «Стрекоза и Муравей», прекрасно зная, что птица перелетит Днепр без малейшей трудности, а попрыгунья-стрекоза, которая «лето целое все пела», ни прыгать, ни тем более, петь не может. Мы восторгаемся любовью Ромео и Джульетты, разделяем страдания Гамлета, сочувствуем королю Лиру и плачем над судьбой Борделии, не стыдясь слез, не упрекая Шекспира в сентиментализме, так же как не упрекаем ни Сервантеса, ни Гоголя, ни Шедрина, ни Маяковского в чрезмерном преувеличении.

Хочется сказать еще об одном. В каждой литературе каждого народа главенствующее место занимают темы любви и морали. Но вот пришла новая эпоха, которая впервые в истории человечества освободила любовь — это высокое человеческое чувство, от оков собственности, социальной несправедливости, религиозных и моральных предрассудков. Пришла эпоха, в которой все делается для счастья человека.

В этом благородном и жизненно необходимом деле создания подлинного человеческого счастья на земле первым помощником партии и государства призвана быть наша советская литература. Но на деле бывает не всегда так. В театрах подчас идут плохие, ремесленнические пьесы на так называемые «семейные» темы. Они имеют успех только потому, что затрагивают струны, волнующие зрителей.

Единственно правильным в данном случае было бы создание глубоких, правдивых, высокохудожественных произведений, смело решающих животрепещущие темы человеческой жизни, любви, новой социалистической морали, семьи. Интерес зрителя к подобным темам является законной реакцией на то незаслуженно ничтожное место, которое мы отводим вопросам любви и морали в наших книгах, спектаклях, фильмах. Из книги в книгу, из фильма в фильм еще кочуют все те же назойливые схемы, из тысячи ситуаций, рождающих в жизни тысячи самых разнообразных развязок, часто берутся только те, которые уже

«апробированы» в десятке предыдущих творений.

А читатель, зритель хочет не этого. Новая, социалистическая мораль, как и все новое в нашем обществе, создается в жестокой борьбе со старым, отжившим, потерявшим право на существование. Эта мораль создается не в закрытой научно-исследовательской лаборатории, а в каждом доме, в каждой семье, в человеческих сердцах. Помочь созданию и укреплению новой, социалистической морали обязана советская литература, в народ закономерно требует от нее выполнения этой обязанности.

Разумеется, проблемы морали нельзя отрывать от трудовой и общественной деятельности человека.

Литература отражает жизнь, а жизнь ни на минуту не стоит на месте. В ней ежедневно происходит напряженная борьба возникающего нового с отмирающим старым. Эта борьба идет на всех участках жизни: в творческом труде советского человека, в сфере морально-этических отношений, в психологии людей.

«Когда новое только что родилось, — учит великий Ленин, — старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни».

Отображение этого многосложного процесса борьбы нового со старым происходит в литературе и искусстве разными путями, в разных формах, разных жанрах. Драматург вправе взять в основу драмы, к примеру, несчастную семью, а не счастливую, ибо там, где нет несчастия, нет и драмы. Комедиограф, как художник-карикатурист, часто гиперболизирует изображение, ибо задачей комедии является высмеивание недостатков и бичевание пороков. К небольшому лирическому стихотворению или даже отдельной поэме нельзя предъявлять требования полностью решить ту или иную тему, достаточно, если такое поэтическое произведение заронит в нас светлую мысль, чем-то тронет нашу душу. Наверно было бы полагать, что научить правильно жить сталевара или шахтера может только роман о сталеварах и шахтерах, учителя — пьеса об учителях, а колхозника — поэма о колхозе.

Мы должны смело вторгаться в жизнь, правдиво отображать ее в произведениях литературы, помогать партии в ее великой борьбе за нового человека. Писатель должен быть не только певцом, но и борцом!

г. Киев.

Любовь ДМИТЕРКО.

Правда, Москва, 18 января 1968